

ГРАНИЦЫ НА КАВКАЗЕ (геополитический и международно-правовой дискурс) (резюме)

Кавказ - это регион, который спустя более двух столетий своего существования в границах Российской (Советской) империи, снова превращается в приграничное пространство с характерными для него переменами, конфронтациями и многочисленными проблемами. Коллапс советской системы создает вакуум и возрождает нестабильность, которые очерчивают новые контуры глобального и регионального противопоставления. Конец биполярной модели, основанной на идеологическом противостоянии двух суперсил (СССР и США), приводит к началу принципиально нового этапа в международных отношениях. Любая государственно-правовая модификация, а такая, как в случае с Советским Союзом, в особенности, предопределяет новые геополитические параметры в глобальном пространстве. Появившиеся на территории бывшего СССР многочисленные международные субъекты формируют новый элемент международного мира - постсоветское пространство (без прибалтийских стран).

Распад биполярной модели актуализирует акценты и проблемы, в большой степени определяющие сущностную характеристику современных международных отношений. Вопрос о границах и их правовом создании и регулировании превращается в основу процессов, определяющих специфику постсоветского пространства. Территориально-этнические и конфессиональные споры превращаются в перманентный элемент разделения границ. Попытки пересмотра или изменения существующих границ и территорий являются поводом перерастания локальных конфликтов в межгосударственное противопоставление. Острые столкновения на территориально-этнической основе становятся константной величиной больше всего в кавказском регионе.

Кавказский регион является типичным примером трансформаций, которые сопутствуют фрагментации постсоветского пространства. Кризис суверенитета кавказских государств, созданных вследствие распада Советского Союза, находится в прямой связи с очертанием границ современного Кавказа, где сплетаются

политические, экономические, клановые и этнически-национальные проблемы. Они являются частью возобновившейся “большой игры” глобальных и региональных игроков Евразийского региона после выхода Средней (Центральной) Азии и Кавказа из единой государственно-политической системы Российской (Советской) империи.

Граница - понятие, когнитивно связанное с геополитикой, которая в конце XX - начале XXI веков превращается в одно из ведущих направлений в теории международных отношений. Окутанное многочисленными и разнообразными коммуникационными сетями земное пространство трансформируется в геополитическое пространство, формирующееся в качестве активного субъекта и объекта общественных и политических отношений. Политика этого самого пространства, где происходят политические события, создает необходимость в описании самого пространства. Результатом модификации когнитивного восприятия мира является восприятие геополитики как изменения в понимании географического пространства и политики.

Граница в постсоветском пространстве является одним из основных сегментов международного регулирования. Он находится в непосредственной связи и с вопросом, в какой степени фронтир как понятие и сущность является частью динамических процессов в кавказском регионе, и насколько общее или различия между ними определяет специфику процессов в кавказском ареале. Каждый из данных терминов обладает своей собственной характеристикой и специфическими параметрами, которые в процессе применения к объекту исследования создают возможность адекватного представления об аспектах геополитики и международного права данной проблемы.

В геополитическом (граница и ее варианты) и историческом (фронтир) планах каждый из двух данных терминов определяет как параметры пространства, которое он ограничивает, так и различную степень неустойчивого равновесия в нем и около него. Возможности для утверждения или расширения соответствующих границ находятся в прямой зависимости от силы и способностей структур власти и их позиций среди населения пограничных зон. Как фронтир, так и граница создают условия для формирования обществ со своими законами и правилами, которые в соответствии с данными реальностями, связанными в свою очередь с внутренними и внешними факторами,

могут утвердить или нет намеченные для реализации цели. Кавказский регион в этом смысле является типичным примером - здесь после распада Советского Союза и создания СНГ попытки установления, перекраивания и утверждения границ превращаются в его основную характеристику.

Сложные и многопластовые процессы, характеризующие переход к постсоветской фрагментации, осуществляются в широком спектре ирредентистских и сецессионистских действий. Советский федерализм в его гибридной форме релевантно проявляется в дезинтеграционных акциях кавказских субъектов. Имманентные противоречия сталинского национально-административного деления раскрываются с полной мощностью как в межгосударственных конфронтациях, так и конфронтациях внутри государства.

Кавказское пространство обособляется в два самостоятельных субъекта - Северный Кавказ в рамках Российской Федерации и Южный Кавказ (Закавказье) с тремя суверенными факторами - Грузией, Арменией и Азербайджаном. Независимо от правовой обособленности двух геополитических зон, данные проблемы и процессы пронизывают их, усиливая симбиоз национально-этнических и политико-экономических сегментов. Южный Кавказ обособляется в качестве особой территории, концентрирующей внимание и действия региональных и глобальных участников игры. Переходя в сферу независимых международных субъектов, государства данного района вступают в их систему динамического противоборства.

Попытки применения полного и признанного суверенитета в кавказском регионе традиционно заканчиваются военными конфликтами, контактными группами и постоянно расширяющимся присутствием международного фактора при их правовом разрешении. Остается нереализованным стремление к активной рефедерализации Черноморско-Каспийского района, которая обычно сопровождает распадающуюся советскую систему. Инерция государственно-политических традиций, многолетнее накопление национального напряжения и отсутствие централизованной вертикали власти предопределяют как этнически-территориальные конфликты, так и сохранение в более или менее сильной степени федерализма в качестве основной формы государственно-политического суверенитета в регионе Закавказья. Отсутствие реального государственного интегритета в Грузии и Азербайджане де факто определяет степень

конфликтности, а не правовую характеристику существующего государственного устройства.

Если опереться на тезис Л.Томпсона относительно параметров фронта в его кавказском варианте “как пространства, где происходит взаимопроникновение обществ”, неминуемо напрашиваются несколько выводов. В некоторой степени они корректируют основные постулаты содержательной характеристики термина, использованного американским ученым.

- В кавказском регионе настоящее возрождает прошлое. Принцип исторического права, сохранявший в советский период свою латентную форму, в 90-е годы восстанавливается с основной целью дезинтеграции и утверждения права на самостоятельное существование собственного этноса. Административное утверждение новых границ постсоветских независимых субъектов инспирирует этнические и конфессиональные конфликты в данном регионе.
- Многообразие национальных меньшинств и религий в данном регионе расширяет периметр непредсказуемости в достижении конкретных целей. Грузия и Азербайджан в поисках интегритета претерпевают конфликты, военные поражения, международные акции и ослабление национальной и региональной безопасности. Монолитная в этническом смысле Армения, замкнутая в геополитическом обруче Турции и Азербайджана, посредством милитаризации общества и умеренных отношений с Грузией, прокладывает себе путь к Европе и России.
- Отсутствие унификации в терминологическом и понятийном аппарате международных организаций, Российской Федерации и кавказского региона затрудняет решение многочисленных проблем в этническом, конфессиональном, политическом и социально-экономическом аспекте. Разнообразные виды поддержки со стороны авторитетных международных институтов и организаций в политическом, экономическом и военном плане, пропущенные сквозь фильтр кавказских интересов и планов, в целом едва ли способствуя решению проблем в долгосрочном плане, закрепляют иностранное присутствие и ослабляют возможность самостоятельного решения конфликтов акторами данного региона.

- В постсоветский период своего существования Кавказ снова превращается в пространство, где закрепленные *де юре* в начале 90-х годов XX века границы *де факто* превращаются в объект конфронтации и стремления к их модификации (Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, Армения) или к сохранению статуса-кво (Грузия и Азербайджан).
- Но ни исторические реминисценции, ни современные акценты государственно-политических и этнически-конфессиональных процессов в кавказском регионе не служат аргументами в пользу решения многочисленных проблем данного региона. Более того, фрагментация усиливает и углубляет конфронтацию. Едва ли интегритет Грузии и Азербайджана будет стимулировать консолидационные процессы в данном регионе или усилит их позиции здесь ли, в постсоветском ли пространстве или в глобальном плане. Более вероятно, что в случае осуществления этого плана, произойдет усиление их зависимости от более сильных, чем они сами, региональных или глобальных участников игры (Россия, США, ЕС, Иран или Турция).
- Согласно формулировке Л.Томпсона относительно фронта, его закрытие осуществляется “после того, как единая власть устанавливает над ними политическое или экономическое господство”. Это было осуществлено Российской империей в XVIII-XIX веках и продолжено в течение советского периода. Вопрос о том, когда появится и кем будет следующий международный актер, способный, подобно России, повторить осуществление достижения целей или же модифицировать оставшийся в истории консолидационный план, остается открытым.

В начале XXI века Кавказ превращается в своеобразный барометр в отношении позиций глобальных и региональных акторов в международной стратификации, характеризующей динамику процессов в евразийском ареале. Это явление особенно усиливается после произошедшей в Грузии “розовой революции” конца 2003 года, с чего стартует так называемый “второй распад” Советского Союза. Попытки осуществления коренных перемен в некоторых постсоветских республиках, таких, например, как Грузия и Украина, посредством замены политической элиты приводят лишь к трансформации

политической лексики, но отнюдь не к каким-либо фраппирующим результатам. Однако, это позволяет расширить возможности и альтернативы новых конфигураций в буферной зоне Кавказа. Во времена увеличения зависимости от стратегического сырья и усиления значения Черноморско-Каспийского пространства в планах региональных и глобальных акторов модели участия мультиплицируются через призму мотивированных, но зависимых от конъюнктуры амбиций. Каждый участник игры в кавказском пасьянсе имеет свои цели, очерчивающие границы его стратегии. Но они подчинены двум основным взаимозависимым факторам, определяющим настоящие акценты присутствия Кавказа в геополитических и геостратегических проекциях - оспариваемый интегритет закавказских государств, а также контроль за месторождениями энергоресурсов и маршрутами их транспортировки.

Кавказские альтернативы связаны с более или менее выраженными интересами глобальных или местных участников игры в данном регионе. Географические параметры договоренности между собой заинтересованных данной темой сторон не меняют того обстоятельства, что проблемы Черноморско-Кавказского региона в чистом виде ограничиваются энергетическими ресурсами и их транспортировкой, а казус “непризнанных государств” является лишь удобной функцией, позволяющей мотивированное присутствие на Кавказе и активное (в большинстве случаев бессмысленное и безрезультатное) участие в деятельности разного рода комитетов, комиссий, семинаров и сессий.

Темпоральные границы кавказских альтернатив следует рассматривать сквозь призму хорошо известного сценария, повторяющегося в течение последних веков вновь и вновь. В борьбе за власть концентрируются знакомые субъекты, новые акценты, но предсказуемые ориентиры.

Россия и США повторяют ситуацию XVIII - начала XIX веков. Тогда Англия (вместо США) объединяет государства “европейского концерта” в борьбе с Российской империей за влияние на “больного человека на Босфоре”*. Сейчас, как и прежде, Россия - это ненавистный враг-партнер, необходимый в конъюнктурных конфигурациях, энергетических планах и региональных сценариях.

Основным противоречием, разъединяющим и определяющим в долгосрочном плане стратегию каждого из участников Черноморско-Каспийского ареала, являются коридорные границы, имеющие

многоцветную окраску. Черные границы (нефть), зеленые границы (ислам), синие границы (порты и военные базы по Черноморскому побережью Кавказа) рисуют картину многочисленных проблем разнообразного характера. Они будут продолжать углублять, а отнюдь не сдерживать процессы конфронтации, в изобилии имеющиеся в данном регионе.

Темпоральные параметры их преодоления очерчивает не столько хронологическая граница, сколько международно-правовые и социокультурные параметры проблем. Дезинтеграционный процесс в буферной зоне Кавказа доказывает неэффективность данной формы существования. Времениое решение обратного процесса возможно лишь после определения глобального вопроса международного мирового порядка. Что же явится определяющим мировым фактором - одно государство или многополюсное разнообразие?

.....
* Османская империя - *Прим. автора*